

Поэзией вначале называлось искусство слова в целом, без разделения на прозу и поэзию. Стихотворная форма, конечно, зримей, чем прозаическая, но и в прозе должен быть внутренний ритм, звучание стиля, иначе язык перестаёт быть поэтическим. Юрий Лунин, один из самых талантливых и заметных современных прозаиков, говорит об этом так: “Проза тоже должна стремиться к этому, хотя состояние, в котором ты пишешь прозу и стихи, конечно, отличается... Когда ты читаешь хорошее стихотворение, то чувствуешь, что в нём каждая строчка неизбежна. В идеале в прозе тоже должно быть неизбежно каждое предложение, но это не всегда получается. У прозы нет поводья, как у поэзии, в виде ритма, например, но мне нужен компас при работе с текстом, и для меня это язык. Если ты врѣшь, пишешь что-то непрожитое, наугад, это обязательно приведёт к логической, стилистической или другой ошибке. А вообще, у прозы тоже есть потенциал быть поэтичной и музыкальной” (1).

Иногда проза и поэзия сложным и не до конца понятным образом взаимодействуют друг в друга, и тогда рождается довольно редкое явление, которое принято называть лирической прозой. Формальная структура лирической прозы важна, но она – всего лишь мёртвое тело. Чтобы оживить его, требуется главное – дух. Если его нет, то ничего не получится.

Вот тут начинается самое сложное, так как мы имеем дело с духовной сферой, которую невозможно “потрогать руками”. Обратимся за помощью к Н. В. Гоголю: “В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому, – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных, и есть твёрдый взлёт в свете разума, верховное торжество духовной трезвости” (2).

Ещё в 2008 году Екатерина Босина отметила подобную “духовную трезвость” в прозе Лунина: “И, наконец, Юрий Лунин. Вот его надо читать обязательно. Лунин ставит вопросы. Совершенно не молодёжные, не подростковые какие-нибудь, а самые настоящие взрослые, общечеловеческие вопросы” (3).

Возьмём, например, его рассказ “Новая жизнь” (4). В стародавние времена подобный текст отнесли бы к экзистенциализму, для которого характерны смертная тоска, безысходность и проклятия, вознесённые к небесам. У Лунина – прямо противоположное отношение к смерти. Неизбежная смерть у него – это переход к новой жизни и смена поколений как движение к совершенству.

Рассказ “Через кладбище” замираживает музыку прозы. Лунин рисует картину русской природы широкими мазками, фразы синтаксически построены так, что читатель словно качается на звуковых волнах авторской речи и речи героев. Центральная тема – отношения отца и сына – присутствует и в рассказе “Три века русской поэзии”, но там она дана пунктирно, а здесь является главной. Кроме психологической точности в обрисовке взаимоотношений, есть ещё что-то мистическое, слышком личное для автора, но не субъективное, как иногда бывает. Тема эта постепенно становится своей и для читателя. И хотя название рассказа располагает к минорному восприятию, концовка заставляет вспомнить о пушкинской “светлой печали”: “Сын чувствовал, что сейчас отец не думает ни о грибах, ни о работе, ни о деньгах; сейчас он думает о том, что у него есть сын и что это хороший сын. А сын думал об отце и уже не хотел ни о чём важном ему говорить. В его душе ещё жила грусть, но он чувствовал, что эта грусть не кладбищенская, она пройдёт, как проходит дождь”.

Рассказ “Под звёздами” также посвящён психологическому поединку, притяжению и отталкиванию теперь уже между родными братьями, и так же стилистически безупречен, если бы не одно “но”. Рассказ слишком затянут, перегружен многочисленными подробностями, затормаживающими развитие сюжета. Из-за этого внутренняя гармония прозы разрушается, тускнеет, становится замкнутой. И тоска здесь, увы, не светлая...

Рассказ “В морге” навеян... запахом. Запах испорченной капусты в холодильнике напомнил герою о ночи, проведённой в морге в студенческие годы просто так, из любопытства. Однако и здесь героя поджидает открытие: “Мы остановились под козырьком. Сокурсник предложил сделать по глотку горьчительного перед тем, как войти внутрь. Мы выпили, закурили, и я заговорил про странную архитектуру здания.

– Знаешь, – сказал я, – мне представляется советский зодчий, которому дали задание спроектировать этот морг. Согласись, от всяких художественных элементов надо было сразу отказаться.

– Почему? – поинтересовался сокурсник.

– Ну, хотя бы потому, что в художественных элементах присутствует стремление к красоте, а в любой красоте неизбежно присутствует намёк на бессмертие” (выделено мной. – **В. Б.**).

Вот о чём, оказывается, это повествование! В нём развивается главный “достоевский” мотив всего творчества Лунина: красота, спасающая мир.

“Визитной карточкой” Лунина является замечательный рассказ “Три века русской поэзии” (5). Филолог Гурий Судаков пишет: “Рассказ Юрия Лунина “Три века русской поэзии”... поражает глубоким психологизмом в передаче процесса пробуждения поэта в семнадцатилетнем юноше” (6).

Но поражает не только психологизм! Во вступлении к рассказу, состоящем из четырёх абзацев, автор сразу раскрывает главную его цель и содержание: “По обеим сторонам от дороги стоит спокойный, ещё не прогретый солнцем лес. Вся дорога в тени этого леса, и асфальт от этого – синий. В воздухе ясно ощущается запах прохладной дорожной пыли. Парень чувствует, что этот запах и синее каким-то образом связаны друг с другом и что в этой связи кроется нечто не по-земному прекрасное. Ему очень хочется разгадать тайну этой связи и в то же время ему особенно приятно, что он не может её разгадать”.

В большой палате парень прочёл антологию “Три века русской поэзии”: Тютчева, Заболоцкого, Фета, Рубцова, Пастернака, Полонского, Державина, Фофанова... “Видимо, боль, с которой он познакомился в больнице, распахнула в его сердце какую-то тайную дверь, в которую сразу и ворвалось понимание этих стихов”.

Речь идёт не о физической боли, а о приступах тоски и одиночества: “В первые дни после операции с незнакомой ему прежде тоской смотрел на верхушки берёз, которые призывно дрожали сверкающими листьями за окном палаты”.

*В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берёз*

*Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слёз...
(Н. Рубцов)*

“Слёзы счастья” в рассказе схожи со слезами раскаяния на исповеди — очищающими и приближающими к “прекрасному миру”, невыразимому, но ощущаемому душой.

Поэзия изменила его взгляд на мир, точнее, мир изменился сам, и столкновение с прагматическим, обыденным (разговор с отцом) убеждает героя: возврат к прежнему состоянию невозможен. “Он вспоминает свою вчерашнюю мысль, — что стихи делают идеальным неидеальный мир, — и понимает, что был не прав: стихи уже содержатся в мире, только в особом, небуквенном виде”.

Ещё раз вспомним Гоголя: “Наши собственные сокровища станут нам открываться больше и больше, по мере того, как мы станем внимательней вчитываться в наших поэтов. По мере большего и лучшего их узнанья, нам откроются и другие их высшие стороны, доселе почти никем не замечаемые: увидим, что они были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими” (7).

Теперь герой способен видеть земной мир как мир Божий: “Мир — это рай. Я в раю”, — думает парень, слыша гудение пчёл, стрекотание кузнечиков и вдумчивый полуденный щебет маленьких птиц”. Предуготовленная к любви душа сразу же, “в золотые секунды”, встречает “ту, что приближалась к нему издалека”. Это девушка на велосипеде, у которого даже колёса хрустальные, — под взглядом героя рассказа всё становится поэтическим. И следующая встреча, с “женщиной с рюкзачком” и её дочкой, девочкой лет пятнадцати, вроде бы оказывается ещё одной встречей с красотой: “Девочка улыбается, — видно, что не ему и не о нём, а, наверно, просто от привычки улыбаться, оттого, что нет причин не улыбаться. В такой улыбке тоже кроется красота”. И вот тут, в самый воздушный, ангельский миг диссонансом вторгается пошлость: “Давай, давай, не ломайся, — подбадривает мама. — Одной клубничкой нормального мужика в дом не заманишь. Мужчине нужно другое — сама знаешь, что”. Не верится, что так, сразу, при первом знакомстве, мать этой девочки способна сказать такие, например, слова: “Вот если приедет в гости, тогда оставлю вас вдвоём — будете целоваться сколько хотите. А сейчас поехали. В женщине должна быть недоговорённость”. И тут на пути героя случайно (случайно ли?) встречается молодой священник отец Андрей, благословивший парня потрудиться “во славу Божию” — собрать стожок в поле. Соработник парня, Андрейка, больше похожий на бомжа, любитель выпить и покурить, оказывается вовлечённым в тот же поэтический круг: “Неожиданно парень чувствует к Матвейке то же самое, что он чувствовал к тем местам у реки, где ему сегодня приходилось останавливаться: этот человек уже не чужой ему и никогда не будет чужим, он навсегда отпечатался в его сердце и тоже стал его милой родиной. Парень снова ощущает рядом присутствие стихов — каких-то новых, не о любви, не о лесе, а, наверно, просто о человеке, — но он уже не пытается услышать слова этих стихов. Ему достаточно знать, что стихи есть, что они снова рядом”. После работы герой рассказа идёт не в гости к “женщине с рюкзачком” и её дочери, а поворачивает к храму, похожему на “инопланетный космический корабль, в котором всё, что кажется созданным просто так, для красоты, на самом деле имеет какое-то гораздо более важное, таинственное назначение”. И теперь мы знаем, почему юный герой делает такой выбор: “Без этого смысла невозможны и стихи” (выделено мной). — **В. Б.**).

Всё-таки герой разгадал тайну поэзии! И встреча с соблазном состоялась уже после храма: “Эх, художник, — говорит мама, взбивая ладонями свои короткие обвисшие от влаги волосы, — на такую ты картину чуть-чуть не успел! Мы сейчас там с Алисой около леса купались... — она перегибается через руль и добавляет шёпотом, как бы по секрету: — Голенькие!..” Герой преодолевает соблазн, спасается почти бегством: “Художник! — всё-таки слышит он за спиной. — Вы куда?!.. Что с вами, художник?! Художник, а вы случайно не голубой?!.. Или художники все голубы-ы-ые!” Музыкальное описание последовавшего в конце пути очищающего ливня звучит торжественным аккордом: “Поле вспыхивает белым светом, река на миг становится ртутной и пропадает

в черноте, гром ударяет так сильно, что его слышно не столько ушами, сколько грудью, — и дождь принимается за работу сразу, без разгона”.

Вторая встреча с НЕЙ, той девушкой на велосипеде, о которой парень думал весь этот бесконечный, длиною в целую жизнь, день, будет иметь продолжение — она оставила ему платок, совсем как в романах золотого века: “Он бережно складывает косынку в несколько раз, кладёт её в карман и уезжает в направлении дома”.

День прошёл. “Сегодня солнце и дождь, небо и облака, поле и река, храм и бетонная будка, Алиса и её мама, отец Андрей и Матвейка, богомольные старушки и, конечно, она — всё как будто договорилось выступить перед ним, обыкновенным парнем, единым согласным хором, в котором каждая партия была исполнена великого, хоть и не всегда понятного значения”. Он чувствует, что готов лишь к одному: “к bestолковой и великой судьбе поэта”.

Главная мысль рассказа заключается в подчёркивании спасительного предназначения настоящей поэзии. Это сверхзадача для всех “служителей муз”. Служим мы, конечно, не музам, а Богу, истине и Родине, и если не стремимся к спасению сами и не призываем к спасению других, то какая всем нам от такого творчества польза?.. “Поэзия наша, — утверждает Н. В. Гоголь, — пробовала все аккорды, воспитывалась литературами всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служенью более значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых ещё продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчёта нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству — как ни прекрасно это служение, — не уразумев его цели вышшей и не определив себе, зачем дано нам искусство” (8).

Если в рассказе “Три века русской поэзии” пошлость — внешняя сила, от которой герой спасается бегством, то в повести “Клетка” (9) от неё так просто не убежишь — в лунинском тексте показана внутренняя драма духовного помрачения. Впервые образ зла, выбравшегося из клетки, появляется в рассказе “Смертное”: “Утром я заключил, что вчера в очередной раз выходил из клетки мой зверь, и всё происшедшее произошло лишь потому, что я эту клетку вовремя не запер”.

Этот зверь называется в христианстве блудным грехом. И как его ни поэтизируй, как ни оправдывай — он таковым и останется. И в бунинском “Солнечном ударе”, и в чеховской “Даме с собачкой”. Лунин сознательно создаёт вариацию на чеховскую тему — есть в его тексте и упоминание классического произведения, и действие лунинского рассказа происходит в Таганроге.

Его герой, как и персонаж в рассказе Чехова, несчастлив в семейной жизни, да и семью создал вынужденно, из-за беременности подруги. В приступе тоски, в пьяном угаре он соединяется со случайной женщиной в поезде, в туалете (!), а потом следует за ней, ведомый только лишь влечением, а не чувством.

Лунин специально снижает образ как самого героя, так и его спутницы. Дама в рассказе — некий фантом, реализовавшийся лишь в воображении автора, она не похожа на настоящую, живую женщину, у неё нет эмоций, нет чувств. В её душе нет даже намёка на раскаяние, нет той боли, которой есть у главного героя. И это вдвойне печально, потому что именно женщина является источником и хранительницей любви.

Безвременье наше уничтожает многие светлые чувства и порывы — слишком оно приземлённое и безысходное в своей неотвратимости, но неужели даже любовь в нём невозможна? Неужели мы живём в последние времена, когда, согласно словам Святителя Иоанна Златоуста, **“по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь”**? Один из толкователей Библии, А. П. Лопухин, пишет: “Если в семье водворяется беззаконие или безнравственность, которая есть также беззаконие, то, как это всем известно, между членами семьи прекращается любовь. Это верно и относительно отдельных обществ, государств и народов. По отсутствию взаимной любви между гражданами всегда можно судить, что среди них водворилось беззаконие; по существованию и развитию беззакония можно заключать о прекращении среди граждан взаимной любви” (10).

Курортный роман закончился, герой не ищет нечаянную любовницу, в нём нет любви, есть лишь вина перед близкими. Но это чувство искреннее, в нём залог будущего спасения, и не только литературного.

Лирическая проза Юрия Лунина соответствует формуле: *жизнь – любовь – смерть*. Лунин здесь не оригинален, вся мировая литература подчинена этому триединому вечному сюжету. Он оригинален в исключительно эмоциональной передаче оттенков сумрачной картины и в верности духовному идеалу спасения – подлинному идеалу красоты.

“У моих рассказов нет ясных сюжетных линий, – объясняет Юрий Лунин, – для меня идеал рассказа – чтобы внешнее событийное всколыхнулось минимально, а во внутреннем плане произошло большое движение” (11).

Верность языковой, человеческой достоверности, стремление к духовной высоте и нравственной цельности – главные творческие принципы Юрия Лунина, которым, надеемся, он будет следовать всегда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прозаик Юрий Лунин: иногда кабинет нужен писателю, чтобы скрыться от стыда (интервью): <http://ulgrad.ru/?p=158812>.

² Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. О лиризме наших поэтов (http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml).

³ Босина Екатерина. Мы кажемся такими // Октябрь. 2008. № 5 (<http://magazines.russ.ru/october/2008/5/bo32.html>).

⁴ Цит. по: “Святой день” (Сборник) – вышел в 2017 году пока в электронном виде: <https://profilib.net/chtenie/93003/yuriy-lunin-svyatoy-den-sbornik.php>.

⁵ Цит. по: Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова “Всё впереди”. Вологда: ВОУНБ; Полиграф-Периодика, 2017. 313 с.

⁶ Судаков Гурий. Что впереди у русской литературы? (Вместо предисловия) // Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова “Всё впереди”. Вологда: ВОУНБ; Полиграф-Периодика, 2017. С. 4.

⁷ Гоголь Н. В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статья. 1952. С. 369–409. (<http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-369-.htm>).

⁸ Там же.

⁹ Лунин Юрий. Клетка : рассказ // Наш современник. 2017. № 8 . С. 15–29.

¹⁰ Толкования Священного Писания (<https://bible.optina.ru/new:mf:24:12>).

¹¹ Прозаик Юрий Лунин: иногда кабинет нужен писателю, чтобы скрыться от стыда (интервью): <http://ulgrad.ru/?p=158812>.